

Глава 9. Храм Синчжи (9). Чистое сердце

—

Свет свечи в кабинете отбрасывал на стену тени двух людей. Под карнизом старый фонарь скрипел от ветра.

Юанью отвернулся и обнял слугу за плечи: «Пойдём, малыш, выйдем на улицу с братом».

Его собственная рука...

Линь Цзыкуй внезапно осознал, что он прикоснулся к телу второй госпожи!

Книги мудрецов в его голове ожили, и он был в ужасе: «Я... я не нарочно, вторая госпожа, я только что спал, был в полусне и не знаю, что натворил».

Линь Цзыкуй был испуган и смущён, он поспешно попытался встать, но его рука была прижата к телу.

Голос Сяо Фу вдруг стал хриплым: «Не дёргайся, не двигайся».

Голос второй госпожи звучал как-то странно. Линь Цзыкуй застыл: «Простите...»

Так близко, он мог по-настоящему почувствовать крепкое телосложение Сяо Фу, его тёплое дыхание, сильные руки... это было очень странное ощущение.

Он подумал, что если бы он не был уверен, что вторая госпожа — женщина, он бы заподозрил, что вторая госпожа на самом деле — второй господин.

Линь Цзыкуй покраснел от стыда, закрыл глаза, не зная, куда деть руки и ноги: «Я... я могу сейчас встать?»

Сяо Фу протяжно сказал «м-м». Длинные тёмные ресницы скрывали его глубокие глаза.

Линь Цзыкуй не смел к нему прикоснуться. Он перевернулся на бок и неловко поднялся с земли, его движения были неуклюжими, а лицо — смущённым.

Сяо Фу почувствовал пустоту в своих объятиях, словно что-то потерял. Ему стало немного неприятно.

Он не хотел, чтобы Линь Цзыкуй вставал, но если бы он продолжал его держать, то даже самый глупый Линь Цзыкуй понял бы, что происходит, и осознал бы, что он — мужчина.

Видя, что Сяо Фу закрыл глаза и тяжело дышит, Линь Цзыкуй осторожно спросил: «Вторая госпожа, вы... вы в порядке?»

«Не очень».

«Но... но я, кажется, случайно вас ранил?»

«Ты трогал меня здесь», — Сяо Фу приподнялся, опираясь на локоть, и указал пальцем на свою грудь, подняв подбородок и глядя на него: «Как нам быть?»

Глаза Линь Цзыкуя расширились. Вспоминая то ощущение упругости и эластичности, его

разум, полный книг мудрецов, непрерывно хлестал его совесть. Он отступил на полшага, затем плюхнулся на пол, путано прося прощения: «Я... я не нарочно, вторая госпожа, я ужасный человек! Я завтра же, завтра же сам пойду в поместье Сяо и принесу извинения!»

«Зачем ты пойдёшь в поместье Сяо, чтобы принести извинения?»

«Я...»

Прежде чем Линь Цзыкуй закончил, Сяо Фу рассмеялся: «Разве ты не должен извиняться передо мной?»

Линь Цзыкуй прикусил губу и, сидя, опустился на колени: «Я... вторая госпожа, накажите меня. Ударьте меня, я, я не буду сопротивляться!»

Его волосы были растрёпаны, его лицо выражало полное раскаяние, и даже глаза покраснели.

Сердце Сяо Фу затрепетало.

«Линь-лан...» Он протянул руку, его ладонь идеально легла на макушку Линь Цзыкуя, и он медленно опустил её, следуя за гладкими волосами, его пальцы коснулись его уха.

Линь Цзыкуй опустил голову, не осмеливаясь издать ни звука. В застывшей атмосфере он почувствовал странную липкую опасность.

Вторая госпожа... собирается ударить его по лицу?

Он закрыл глаза.

Пальцы Сяо Фу остановились на его мочке уха, и он несколько раз потёр её большим пальцем. Линь Цзыкуй молчал, но чувство трепета заставило его сжать пальцы. Он почувствовал, что ладонь очень большая, и на пальцах были мозоли. На мгновение его охватило смятение: неужели вторая госпожа с детства занималась боевыми искусствами?

Однако в этот момент он не мог, как обычно, мыслить здраво. У него кружилась голова, и он не мог ясно думать, и тут же у его горящего уха раздался голос Сяо Фу: «Как ты думаешь, как лучше тебя наказать?»

«Как... вторая госпожа пожелает».

Сяо Фу наклонился и посмотрел на него, его тон стал более суровым: «Я только что принёс тебе мех из кролика, ты должен его носить и не возвращать мне».

«...А?» Ожидаемой пощёчины не последовало, но, услышав эти слова, Линь Цзыкуй замешкался и приоткрыл глаза, встретившись взглядом с глазами цвета персика Сяо Фу.

Его сердце пропустило удар, и он смущённо закрыл глаза.

Сяо Фу легонько погладил его по голове: «Я накажу тебя тем, что ты должен будешь приходить ко мне, когда будешь выглядеть хорошо. Не будь таким неряшливым, мне это не нравится».

«М-м...» Линь Цзыкуй не ожидал такого наказания. Он поднял глаза: «Вторая госпожа, вы не ударите меня?»

«Думаешь, я посмею?»

Линь Цзыкуй ничего не ответил, его лицо горело.

Он был очень застенчив, и за эти несколько дней его лицо часто легко краснело.

Рука Сяо Фу опустилась: «Разве тебе не пора поднять меня?»

Линь Цзыкуй наконец опомнился: «Я, я должен встать...» Он встал первым, затем обернул руку рукавом и только потом помог Сяо Фу подняться.

Сяо Фу не стал больше дразнить его. Этот учёный, чистый, как лотос, действительно не имел никаких дурных мыслей, он был прост и невинен.

Сяо Фу легко поднялся, выпрямившись: «Линь-лан, уже так поздно, мне пора уходить».

Линь Цзыкуй попросил Мо Лю проводить его, но Сяо Фу отказался: «У меня есть телохранители». Он махнул рукой, накинул тёмный лисий плащ и, обернувшись, улыбнулся Линь Цзыкую.

После того как Сяо Фу и его телохранитель ушли с фонарями в ночь, Линь Цзыкуй услышал, как Мо Лю сказал: «А! Господин, вторая госпожа специально принесла это для вас».

Линь Цзыкуй опустил голову и увидел деревянный ящик. Мо Лю уже присел и открыл его, а затем увидел внутри красивый мех из серебряного соболя. Тёмные серебряные нити и густой мех соболя сияли в свете свечи.

Линь Цзыкуй, конечно, не мог чётко разглядеть: «Это мех кролика?»

«Ух ты...» Мо Лю был ошеломлён: «Это не похоже на кроличий мех, на ощупь это больше похоже на соболя, господин! Смотрите!» Даже если он никогда не носил его, он видел его в Цзиньлине, он не был деревенским парнем, который ничего не понимал.

А первой реакцией Линь Цзыкуя было: «Это неправильно. Такая дорогая вещь, я должен вернуть её второй госпоже!»

Однако он вспомнил наказание, которое только что получил от Сяо Фу.

Он сказал, что он должен прийти к нему, когда будет выглядеть хорошо.

Но Линь Цзыкуй приехал в храм Синчжи, чтобы учиться, и не взял с собой много одежды. Эту накидку он носил уже три года.

Мо Лю же взял из ящичка листок бумаги с золотыми блёстками: «Господин, здесь есть записка! Это написала вторая госпожа».

«Дай-ка я посмотрю!» Линь Цзыкуй протянул руку и приблизился к свету свечи. Он увидел неуклюжий почерк. В глазах Линь Цзыкуя, который с детства копировал каллиграфию великих мастеров, эти иероглифы были написаны некрасиво. А содержание было очень простым, там было написано:

[Линь-лан, этот кроличий мех нужно надеть, когда ты придёшь ко мне завтра.

Чжао Лин.]

Первая строка была написана некрасиво, но два символа в подписи приходится писать часто, и

почерк получается гораздо более гладким и красивым.

«Чжао Лин».

Линь Цзыкуй опустил глаза и пробормотал: «Вторая госпожа, это ваше детское имя...»

Он бережно спрятал этот листок с золотыми блёстками в книгу и положил его в коробку.

На следующее утро Линь Цзыкуй надел накидку, чтобы пойти к Сяо Фу. Накидка была немного велика, но очень тёплая, и ему даже стало немного жарко.

Линь Цзыкуй прибыл в восточный гостевой зал и узнал, что вторая госпожа ещё не проснулась. Юаньу сказал: «К сожалению, мой хозяин любит поспать. Сегодня он*, наверное, проснётся только к полудню. Сейчас ещё нет часа чэнь (7-9 утра), господин Линь, может, зайдёте позже?»

[*п.п.: он (林, Tā) и она (她, Tā) в китайском пишутся по разному, но звучат одинаково.]

Линь Цзыкуй поблагодарил и спросил: «Могу ли я спросить, что вторая госпожа обычно любит есть?»

Мо Лю, стоявший рядом, естественно, достал мешочек с серебром и протянул его.

Юаньу посмотрел на него, но не взял, сказав: «Мой хозяин не любит есть».

Человек без чувства вкуса ест всё одинаково, и часто Сяо Фу даже забывал поесть. Поэтому, хотя Сяо Фу с детства занимался боевыми искусствами, его конечности были длинными и стройными, а телосложение не было таким крепким, как у его старшего и младшего братьев.

Мо Лю подумал, что он очень принципиален и не берёт денег, и тихо убрал серебро.

На такой ответ Линь Цзыкуй смутился и не знал, что ещё спросить. Но тут Юаньу сказал: «У моего хозяина нет других увлечений, но ему нравится играть».

Линь Цзыкуй подсознательно спросил: «Во что играть?»

«В то, что делает его счастливым».

«Например...» Линь Цзыкуй задумался: «Подняться на гору? Декламировать стихи? Играть в шахматы? Читать книгу?»

При упоминании шахмат, Цзинь Цзунь, который сидел и играл с фигурами, взглянул на него.

Юаньу покачал головой: «Господин Линь, я скажу вам честно, мой хозяин больше всего любит пить».

Вино не имеет особого вкуса. У него лишь сильный аромат, способный смыть печаль. После того, как оно попадает в желудок, оно вызывает тепло и ощущение, которое заставляет сердце биться сильнее. Поскольку Сяо Фу не мог ощущать вкус на языке, он мог только воспринимать ощущения, которые не давала другая еда. Он использовал свои другие чувства, чтобы компенсировать этот недостаток.

«Вино...»

Вторая госпожа действительно была необычной женщиной.

Линь Цзыкуй поблагодарил его и вежливо сказал: «Я запомнил, спасибо, брат».

Чэнь Юань: «Моя фамилия Чэнь».

«Спасибо, брат Чэнь. Я приду позже, после полудня». Брат Чэнь не взял денег, поэтому Линь Цзыкуй дал ему мешочек с леденцами из груши: «Это для ребёнка».

В тот день, увидев юношу, висевшего на второй госпоже, он был немного недоволен, но позже, подойдя поближе и убедившись, что это всего лишь ребёнок, он почувствовал себя лучше.

На следующий день Линь Цзыкуй договорился встретиться с дядей даоса Линъюаня, даосом Линбо в павильоне Цинсинь, но даос Линъюань сказал, что его дядя любит куриные ножки. Хотя в храме и разводили кур, но их не продавали. Линь Цзыкуй услышал от даоса, что в горах на заднем дворе есть ферма, где разводят несколько десятков кур, поэтому он снял свою редкую накидку из соболя и вместе с Мо Лю отправился в горы.

Они шли полчаса, Линь Цзыкуй сильно запыхался. У него ещё оставалось немного денег от продажи тушечницы, которую подарил ему брат Тан. Линь Цзыкуй купил у фермера двух кур и корзину яиц, а затем спросил у фермера, который разводил кур: «Дядя, в этих горах Шестнадцати Небесных Пещер, есть кто-нибудь, кто делает вино?»

Старик, которому уже было семьдесят пять лет, обрадовался, услышав это: «У меня есть домашнее сливовое вино! Тебе нужно, молодой человек?»

«Сливовое вино?»

«Давай! Попробуй!» Старик повернулся и вошёл в дом, радушно пригласив его войти и наполнив стакан для Линь Цзыкуя. Линь Цзыкуй никогда не пил вина, он попробовал немного. Оно было терпким и пряным, и он не смог удержаться от кашля.

«Выпей, выпей всё. Это хорошее вино!»

Линь Цзыкую было неловко, и он сделал ещё один маленький глоток, но всё равно закашлялся. Старик сказал: «Медленнее, медленнее!»

Линь Цзыкуй, кашляя, хвалил вкус, и дедушка весело улыбнулся. Он протянул полный стакан Мо Лю. Линь Цзыкуй покачал головой: «Он ещё молод, ему нельзя пить».

Но Мо Лю жадно смотрел: «Господин...»

Линь Цзыкуй мог только согласиться: «Только один глоток».

Мо Лю выпил один стакан, и, как и Линь Цзыкуй, он сел на корточки и закашлялся. Старик рассмеялся и спросил Линь Цзыкуя: «Учёный, тебе нравится это вино?»

Линь Цзыкуй не знал, не знал, было ли оно невкусным или вкусным, может быть, стоит взять его с собой и спросить кого-нибудь?

Он кивнул, сказав, что ему нравится. Дедушка налил ему целую бутылку: «Держи. Ты ведь не умеешь пить, да? Если понравится, приходи ещё! Если хочешь подарить кому-то хорошее вино,

то спустись с горы Шестнадцати Небесных Пещер, там есть Деревня Персиковых Цветов. В этой деревне есть персиковое вино, его любят все чиновники в Цзиньлине. Его вкус... ох, он бесценен!»

«Деревня Персиковых Цветов? Персиковое вино?»

Линь Цзыкуй запомнил это. Он нёс корзину яиц, двух кур и бутылку вина. Он шёл полчаса и вернулся в храм Синчжи.

«Даос Линбо любит куриные ножки. Здесь две курицы, четыре ноги. Две ноги для даоса Линбо, одну ногу для тебя, Мо Лю, а что насчёт оставшейся?»

Линь Цзыкуй подумал о том, чтобы отправить оставшуюся второй госпоже, приготовив куриный суп.

Сразу после полудня Мо Лю свернулся калачиком в одеяле и уснул. От него пахло вином, и он храпел.

Он был молод и не мог много пить, и действие вина на него было быстрее, чем на Линь Цзыкуя.

Линь Цзыкуй положил кастрюлю с тушёным мясом в бамбуковую корзину и отнёс её в восточный гостевой зал: «Брат Чэнь, это только что приготовленный суп из старой курицы. Вторая госпожа уже проснулась?»

Чэнь Юань взял корзину: «Только что проснулся. Мне сообщить ему?»

Линь Цзыкуй махнул рукой: «Нет, не нужно».

Чэнь Юань взглянул на него: «Почему ты не носишь плащ, который тебе подарил хозяин?»

«Мех кролика очень дорог. Я только что был на кухне и боялся его испачкать, поэтому снял». Он испачкался сажей и зарезал курицу, он чувствовал себя грязным. Как он мог показаться второй госпоже? К тому же, вторая госпожа сказала, что если он будет выглядеть некрасиво, ему не стоит приходить, поэтому Линь Цзыкуй, отдав суп, поспешно попрощался: «Брат Чэнь, я пойду».

Видя, что он снова убегает, Юань покачал головой: «Этот учёный Линь...»

Он опустил голову и понюхал суп: «Какой ароматный, я не ожидал, что он, учёный, умеет готовить?»

Но маркиз Сяо не мог ощущать вкус. Он выпил чашку супа, съел куриную ножку и спросил: «Скажите, какой вкус у этого супа?»

Юань не мог описать: «Господин, это вкус куриного супа».

«Сладкий? Кислый? Горький? Или острый?»

Юань: «Ни то, ни другое, просто ароматный. Курица очень хороша».

Сяо Фу не мог себе этого представить. Он едва мог уловить аромат носом, но, выпив, он чувствовал, что это просто вода.

«Скучно». Сяо Фу поставил чашку, потянулся: «Я лучше пойду поиграю с Линь-ланом».

А Линь Цзыкуй тем временем уже покинул храм Синчжи.

Он встретил даоса Линьюаня, который как раз собирался спуститься с горы. Линь Цзыкуй спросил его: «Даос, вы знаете, где находится Деревня Персиковых Цветов?»

«Она недалеко от подножия горы. Персиковое вино из этой деревни очень известно».

Глаза Линь Цзыкуя засияли: «Я как раз собираюсь в Деревню Персиковых Цветов! Даос Линьюань, могу ли я пойти с вами?»

«Пойдём, пойдём. Я знаю, что у вас плохое зрение. Пойдёте со мной, я покажу вам дорогу...»

Был полдень, солнце светило ярко. Линьюань надел соломенную шляпу и взял флягу с водой. Линь Цзыкуй был в своём старом плаще. Они медленно спустились с горы. Линьюань сказал: «Да, господин Линь, дядя Линбо сказал, чтобы вы принесли ему куриные ножки завтра. Он тоже сдавал экзамены несколько лет назад. Он сказал, что вы можете спрашивать у него всё, что угодно, пока будете приносить ему куриные ножки».

Линь Цзыкуй кивнул: «Я уже купил куриные ножки, они готовятся. А сейчас я иду за персиковым вином».

«Господин Линь любит выпить?»

«Я приношу это для...» Он замялся: «Я сам пью».

«Я так и подумал. Я даже чувствую запах вина, и лицо у вас ещё красное, вы только что пили, не так ли?»

Линь Цзыкую ничего не оставалось, как смущенно кивнуть, признав себя пьяницей.

Даос Линьюань был в храме Синчжи много лет, и он знал короткую дорогу. Когда они подошли к подножию горы, Линьюань указал на дорогу справа: «По этой дороге, и вы попадёте в Деревню Персиковых Цветов. Сейчас зима, персики не цветут. Ах да, господин Линь, вы узнаете персиковое дерево?»

Линь Цзыкуй кивнул: «Узнаю. Мой дом в Хуайнани, и у меня дома растут персиковые деревья».

«Тогда легко. Когда увидите персиковые деревья, идите по тропинке, и вы увидите дома. В каждом доме есть персиковое вино, которое вам нужно. Вы можете попробовать все, но не увлекайтесь, боюсь, вы скоро опьянеете!»

Линь Цзыкуй поблагодарил.

Перед расставанием Линьюань вспомнил ещё кое-что: «Господин Линь, у вас проблемы со зрением, и ваш слуга отсутствует, как вы вернётесь?»

Линь Цзыкуй сказал: «Я оставил письмо Мо Лю. Когда он проснётся, он придёт за мной в Деревню Персиковых Цветов. Я посыпал дорогу белой известью. Он просто последует за ней».

«Ваш слуга молодец, умный. Хорошо, тогда я пойду». После того как Линьюань ушёл, Линь Цзыкуй взял деревянную палку в качестве трости. Он не был полностью слепым, но не мог различать людей и животных на расстоянии десяти метров, и легко спотыкался о камни и ветки. Линь Цзыкуй шёл медленно и вскоре успешно нашёл Деревню Персиковых Цветов.

А в храме Синчжи Сяо Фу увидел, что в Зале Очищения Сердца, кажется, никого нет. Дверь была открыта, и он вошёл.

На кровати никого не было. Линь Цзыкуя не было, но его слуга был. Юаньбу взглянул на него: «Этот ребёнок, кажется, пьян».

Сяо Фу обнаружил на столе записку и поднял её.

Он приподнял бровь: «Как он, слепой, пошёл с горы, чтобы купить вино?»

Юаньбу вспомнил: «Сегодня утром господин Линь пытался подкупить меня, спрашивая о ваших предпочтениях. Я сказал, что вы не любите есть, а любите пить».

Сяо Фу, услышав это, улыбнулся. Оказывается, маленький учёный пошёл покупать вино для него.

Он повернул голову: «И ты принял его взятку?»

Юаньбу с праведным гневом сказал: «Конечно, нет! Я следую за господином, разве я нуждаюсь в его деньгах!»

Сяо Фу: «В следующий раз прими. У него нет денег, он не сможет купить хорошее вино, поэтому в следующий раз ему придётся самому делать для меня вино, не так ли?»

«...»

Юаньбу подумал: «Тогда, господин, мне пойти в эту деревню и привести господина Линя обратно?»

«Кто сказал тебе идти? Разве я не могу пойти сам?» Сяо Фу положил записку на место и вышел из храма Синчжи. Юаньбу увидел белый порошок извести, оставленный на дороге, и услышал, как его господин радостно сказал: «Мой Линь-лан так мил. Он даже оставил мне знак, чтобы я мог его найти».

—

Примечание автора:

В даосизме «Шестнадцать Небесных Пещер» относятся к горам Уйи, а «Храм Синчжи» был основан на прототипе «Храма Чжичжи» в горах Уйи. Во времена династии Южная Сун философ Чжу Си был отправлен сюда в даосский храм в качестве настоятеля. Он был так счастлив, что дожил до 70 лет...

—

<http://bllate.org/book/14420/1274653>